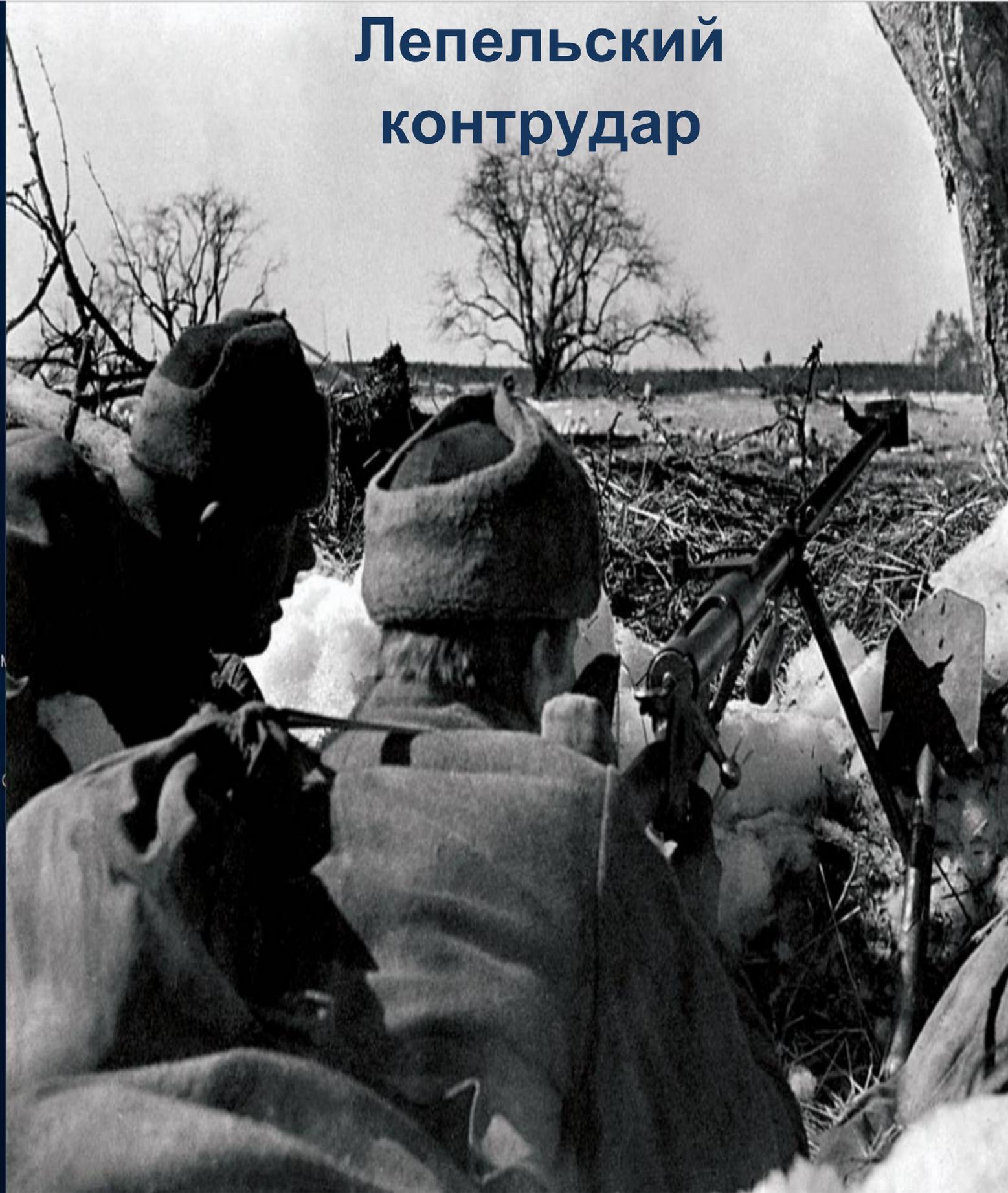

Самойкин А.Н.

Лепельский контрудар

К Дню танкиста

Лепельский контрудар

Собираются в г. Боготоле 28 мая все вместе пограничники, собираются и отмечают в последнее воскресенье июля День ВМФ моряки, а 2 августа - все те, кто служим в воздушно-десантных войсках.

Здесь же я хочу обратиться ко всем тем из г. Боготола и Боготольского района, кто служил в танковых войсках: почему бы и Вам, тем, кто служил в танковых войсках, и кто живет в г. Боготоле и в Боготольском районе, в День танкиста, 8 сентября 2019 г., не собраться у танка, который стоит у музея г. Боготола по ул. Дёповской?

Пусть первоначально это будет спонтанно, но со временем, может быть, тоже перерастет в определенную традицию: вы – танкисты! Вы – наследники тех наших земляков-танкистов, которые погибли в годы Великой Отечественной войны. Вы продолжили их ратный подвиг в мирное время, находясь на действительной военной службе в танковых частях СССР и РФ.

***

Мы привыкли к штампу о том, что самое крупнейшее танковое сражение в истории Великой Отечественной войны произошло 12 июля 1943 г. под д. Прохоровкой на Курской дуге. Тогда у д. Прохоровки против 684 советских танков и САУ сражались 268 немецких танков, т.е. в общем количестве с обеих сторон 952 единицы техники.

Но на самом деле более крупное танковое сражение в период Великой Отечественной войны произошло 6-9 июля 1941 г. в Белоруссии, под г. Лепель. Количество участвовавших в этом танковом сражении танковых сил с обеих сторон превосходит почти в 2,5 раза то количество танков, которое участвовало в Прохоровском сражении.

Тогда, 6-9 июля 1941 г., в 50 км юго-западнее г. Витебска, в смертельном бою сошлись «грудь на грудь» идущие к г. Смоленску танковые корпуса германского Вермахта и два наших полнокровных танковых корпуса РККА: более двух тысяч боевых машин СССР и Третьего рейха.

Такое танковое сражение является поистине уникальным по количеству задействованной бронетехники за всю историю войн!

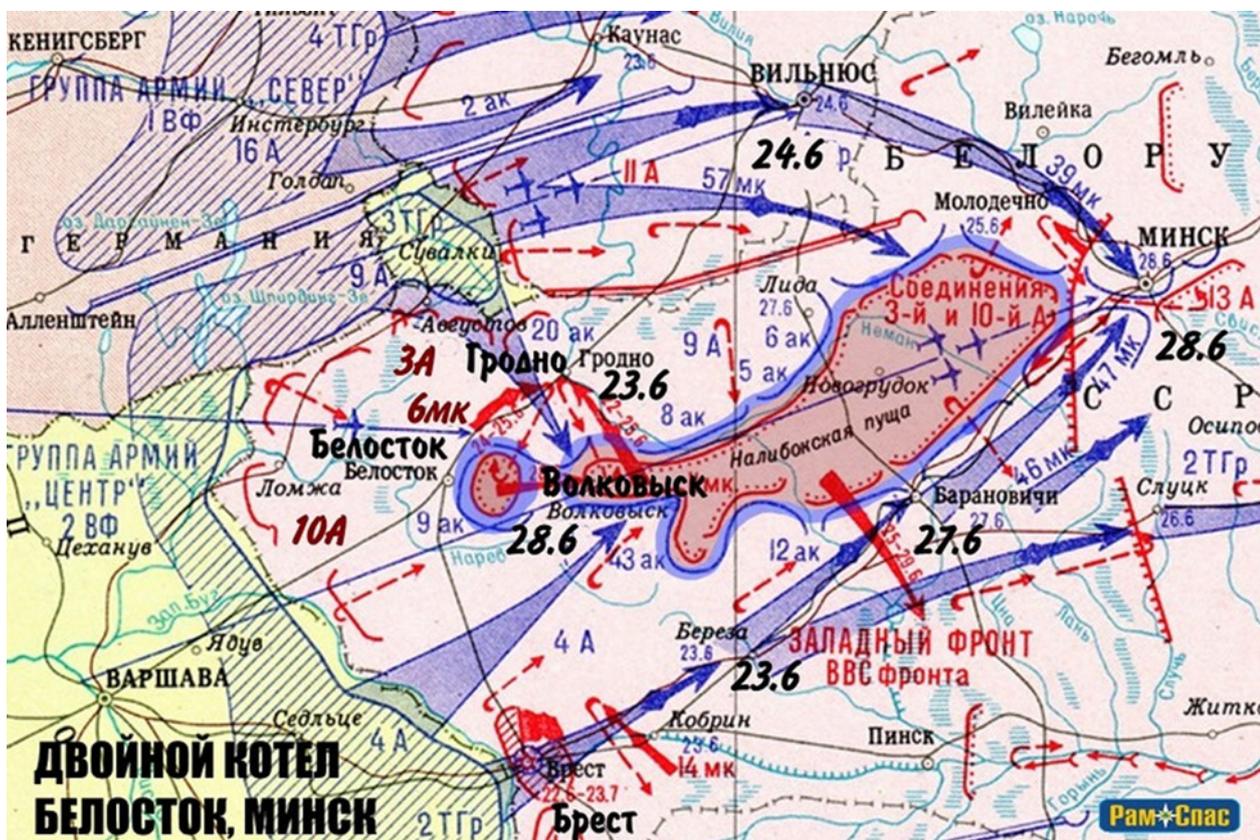
Но оно было страшным и кровопролитным: в ходе него погибло большое количество наших кадровых танкистов, выполнявших приказ командования Западного фронта в лице маршала С.К. Тимошенко на этот контрудар.

Заместитель командующего Западным фронтом генерал А.И. Еременко позднее вспоминал: «В этой обстановке командующий фронтом определил, что главной угрозой для войск фронта являлась 3-я танковая группа Гота, наступавшая из района Лепель, Полоцк в направлении Витебска и севернее».

Во что бы то ни стало надо было остановить врага, уже взявшего г. Минск, столицу Белоруссии, и упорно рвавшегося к «камню преткновения» во все века истории России, ключ-городу на пути к Москве – к Смоленску. Это район не зря давно получил наименование «Смоленские ворота».

Да, здесь русло Днепра изгибается у Орши и словно пропускает географически идущие с запада полчища захватчиков на восток, к г. Смоленску. А изгиб Западной Двины также открывает путь для движения врага на восток без ее форсирования.

После взятия г. Минска и разгрома основных сил Западного фронта в Белостокском и Минском «котлах» немецкие ударные соединения начали продвижение к рубежу рек Западная Двина и Днепр, с тем, чтобы затем начать новое наступление на Московском направлении.

При этом на Витебском направлении наступал немецкий 39-й моторизованный корпус, которым командовал генерал танковых войск Р. Шмидт из состава 3-й танковой группы Г. Гота. Шедшая в его авангарде 7-я танковая дивизия под командованием генерал-майора Г. фон Функа 4 июля 1941 г. взяла г. Лепель и продолжила продвижение на восток.

В дальнейшем, по планам гитлеровцев, захват г. Витебска должен был обеспечить дальнейшее наступление на г. Смоленск и на Москву.

Южнее, вдоль Московского шоссе, наступал немецкий 47-й моторизованный корпус генерала танковых войск Й. Лемельзена 2-й танковой группы Г. Гудериана, имевший целью выйти в район г. Орши. Для обеспечения связи между 39-м и 47-м моторизованными корпусами, а также для прикрытия стыка между 3-й и 2-й танковыми группами на Сенно была направлена 17-я танковая дивизия генерал-майора К. фон Вебера.

В этот момент перед двумя нашими механизированными корпусами командование Западного фронта поставило задачу нанести контрудар в направлении г. Лепель, разгромить оторванные от основных сил танковые группы противника и остановить их наступление на города Витебск и Смоленск.

***

Здесь я хочу рассказать об одной из черных и вместе с тем героических страниц нашей Родины, о которой в нашей истории долгое время замалчивалось: о сражении под Лепелем и Сенно, произошедшем 6-9 июля 1941 г.

Именно там прямо и, в переносном смысле, сгорела и наша 17-й Сибирская танковая дивизия, прибывшая на Западный фронт в самый разгар боев из Забайкалья. В ее число, как выяснилось в ходе поисков, входило много кадровых командиров РККА, которые были либо уроженцами г. Боготола и Боготольского района, либо их жены и дети проживали на территории нашего города и района на период нахождения их близких в рядах Красной армии.

В целом в состав 17-й танковой дивизии входило большое число военнослужащих, призванных на действительную военную службу из Красноярского края, либо родные этих военнослужащих проживали на территории нашего края.

Поэтому в этой статье я хочу рассказать о подвиге наших сибирских танкистов, вставших на пути немецких танковых орд, вторгшихся на нашу землю, которые ценой своей жизни сдержали врага, сделав маленький шаг к нашей общей Победе в той войне. Большая часть из них до сих пор числится пропавшими без вести.

Столкнувшись в боях с нашими кадровыми войсками в первые месяцы войны, оккупанты захватили очень мало, по их меркам, пленных.

Кадровые части РККА выполнили свой долг в начальный период войны до конца. Высокий дух того, что «Красная армия всех сильнее» был в них очень высок. Именно они, рядовые и их командиры, сломали планы гитлеровцев уже в первые дни, недели и месяцы боев 1941 г.

Да, таковы суровые законы войны: кадровая армия прикрытия гибнет, но именно это позволяет мобилизовать всех остальных, всю страну. Подвиг героев 1941 г. бессмертен.

Но в данной статье рассматривается конкретное событие Великой Отечественной войны, о роли нем 17-й Сибирской танковой дивизии, которая вступила в бой тогда, в Белоруссии под г. Лепель.

***

17-я Сибирская танковая дивизия была сформирована в Забайкалье и входила в состав 5-го Забайкальского механизированного корпуса РККА. Ею командовал полковник Иван Петрович Корчагин.

Кроме данной дивизии, в состав корпуса под командованием генерал-майора Ильи Прокофьевича Алексеенко входили также 13-я танковая дивизия (командир полковник Ф.У. Грачев) и 109-я моторизованная дивизия. Уже с самого начала их формирования

предполагалось, что они примут участие в боевых действиях на западных рубежах СССР в составе 5-го механизированного корпуса.

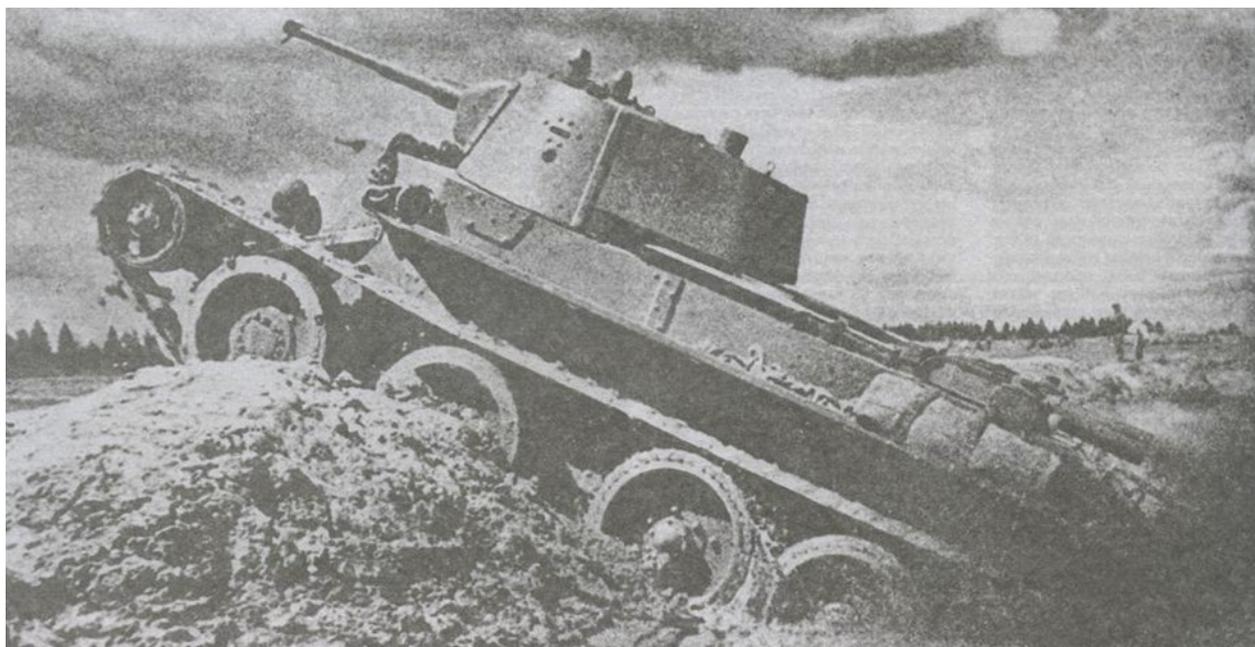
В Красной Армии крупное танковое соединение - две танковые и одна моторизованная дивизия (по штатной численности танков превосходившая немецкую танковую дивизию), плюс отдельный мотоциклетный полк - называлось на тот момент «механизированным корпусом».

Приказ Генерального штаба о начале выдвижения 5-го механизированного корпуса к западной границе поступил еще до начала войны – 25 мая 1941 г. И началась погрузка частей и соединений корпуса в железнодорожные эшелоны и их отправка в западном направлении в состав 16-й армии.

Всего в механизированном корпусе генерал-майора И.П. Алексеенко было почти 800 танков, в подавляющем большинстве – старых типов.

Легкий танк БТ-7.

Легкий танк БТ-7 на маневрах под Киевом. 1939 год.

Эшелоны 5-го механизированного корпуса с 21 июня 1941 г. начали прибывать в Киевский Особый военный округ на ст. Бердичев, Проскуров и Шепетовка.

Из состава 17-й танковой дивизии на Украине успели разгрузиться только 12 эшелонов из 40. При этом часть эшелонов механизированного корпуса успела не только прибыть на Украину, но и ввязаться в бой в составе так называемой группы Лукина.

Наиболее серьезно втянулась в бой 109-я моторизованная дивизия 5-го механизированного корпуса. Она сражалась под г. Острог, понесла потери, и часть ее подразделений так и остались на Юго-Западном фронте. Кроме того, из 13-й танковой дивизии ее батальон связи и разведывательный батальон также так и остались в полосе Юго-Западного фронта.

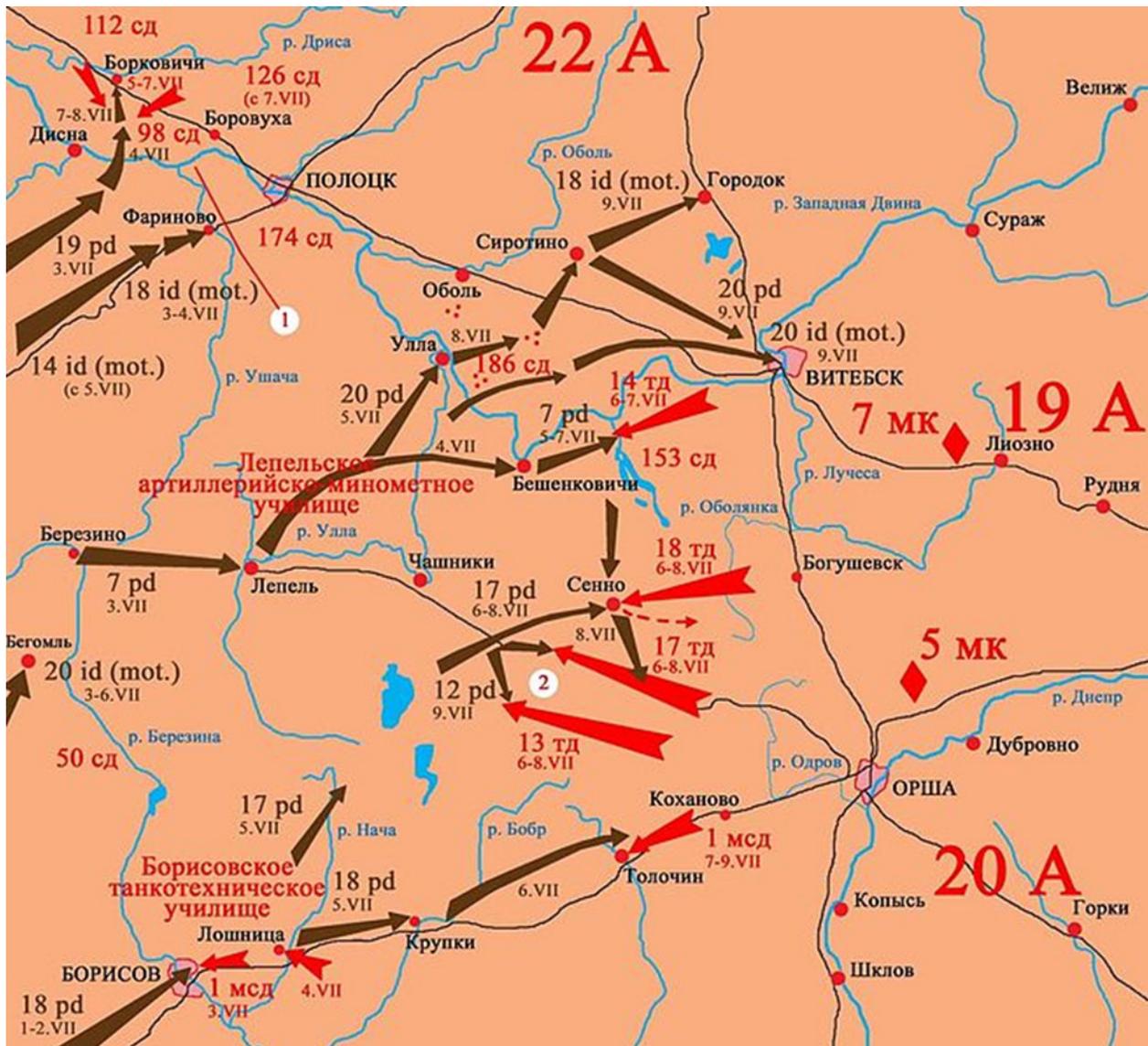
К исходу 26 июня 1941 г. поступил новый приказ. Он предписывал перебросить 16-ю армию с Юго-Западного на Западный фронт, а именно в район городов Орша-Смоленск. И подразделениям 5-го механизированного корпуса пришлось вновь грузиться в эшелоны и двигаться, теперь уже на Западный фронт.

Прибытие подразделений 5-го механизированного корпуса в район станций Орша, Красное и Гусино Западного фронта проходило в период вплоть до 8 июля 1941 г.

Надо отметить, что 5-му механизированному корпусу было в тот момент дополнительно придано два отдельных артиллерийских полка - 467-й и 587-й, из числа, так называемых, «корпусных артполков». На их вооружении стояли тяжелые 122-мм пушки (12 единиц на артполк) и 152-мм пушки-гаубицы (12 единиц на артполк).

В сумме 5-й механизированный корпус к моменту начала контрнаступления имел на вооружении порядка 880 танков: из них 13 танков КВ, 20 танков Т-34, 565 танков БТ, 281 танков Т-26 и 70 пушечных бронемашин БА-10. Кроме того, незадолго до контрудара 5-й механизированный корпус получил еще ряд танков новых типов. Так, 13-я танковая дивизия получила 7 танков КВ и 10 танков Т-34, а 17-я танковая дивизия - 6 танков КВ и 10 танков Т-34.

Приказ о наступлении 5-му механизированному корпусу был отдан в тот момент, когда его части еще только прибывали на Западный фронт. В результате после выгрузки из эшелонов они сразу направлялись в бой, причем, не вместе, а поочередно. Всем им приказом определялась одна главная задача – наступать из района г. Орши вдоль железной дороги на г. Лепель, разбить противостоящего противника и овладеть г. Лепель Витебской области Белоруссии.

***

Прибывший в войска новый командующий Западным фронтом маршал С.К. Тимошенко решил нанести удар по наступающей группировке немецких войск силами двух советских механизированных корпусов.

Исходный замысел Лепельской операции - нанести удар по танковым соединениям противника прежде, чем к ним подтянется от г. Минска немецкая пехота - вполне соответствовал базовым принципам военного искусства: бить врага по частям. К общему добавлялось частное: конкретный опыт первых двух недель войны не давал оснований для радужных надежд на то, что «цепочка» стрелковых дивизий сможет остановить или, по меньшей мере, надолго задержать и обескровить немецкий танковый «таран». Поэтому, конечно, разумнее было нанести упреждающий удар и выбить танки противника прежде, чем они «раскатают» четыре стрелковые дивизии, занявшие оборону в «Смоленских воротах».

Но при этом, как выяснилось впоследствии, немцы, учитывая данные своей авиационной разведки, своевременно обнаружили наши выдвигающиеся вперед механизированные корпуса и заблаговременно основательно подготовились к ударам по ним своей авиацией, а также подтянув все свои противотанковые артиллерийские средства, встав при этом тактически в оборону для отражения этого нашего контрудара.

В этот момент районом сосредоточения нашей ударной группировки из двух механизированных корпусов – 5-го Забайкальского и 7-го механизированного корпуса Московского военного округа генерал-майора В.И. Виноградова, - стали г. Витебск и г. Орша. Им, в ночь на 5 июля 1941 г. был направлен приказ совершить марш в исходные районы, где быть в готовности к участию в общем контрударе.

Фактически оба наших механизированных корпуса должны были нанести удар по сходящимся направлениям. При этом глубина ударов была определена: для 5-го механизированного корпуса до 140 км - из района Высокое на Сенно и Лепель, а для 7-го механизированного корпуса до 130 км - из района Рудня на Бешенковичи и Лепель.

После выхода в район Лепеля 7-й механизированный корпус должен был нанести удар во фланг и тыл полоцкой группировки противника (57-го моторизованного корпуса 3-й танковой группы), а 5-й механизированный корпус должен был развивать наступление на запад, на Гленбоке и Докшице.

По идее нашего командования, после смыкания «клещей» обоих механизированных корпусов в районе г. Лепеля вся немецкая группировка, втянувшаяся в коридор между Западной Двиной и Днепром, должна была оказаться в окружении.

При этом оба механизированные корпуса должны были получить сильную авиационную поддержку, осуществлять которую должна была 23-я авиадивизия. К началу наступления ей были приданы 401-й истребительный и 430-й штурмовой полки особого назначения, укомплектованные летчиками-испытателями, имеющими боевой опыт и новые самолеты. Всего к 6 июля 23-я авиадивизия имела 98 исправных самолетов, из них 54 истребителя (в том числе 19 МиГ-3), 22 бомбардировщика и 22 штурмовика Ил-2. Кроме того, поддержку также должна была оказывать и 12-я бомбардировочная дивизия, которая базировалась в районе г. Витебска.

Но в итоге советская же авиация своим танкам и сухопутным подразделениям оказала весьма слабую поддержку.

В «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.» есть строки: «6 июля войска 20-й армии, которой командовал генерал-лейтенант П.А. Курочкин, предприняли контрудар из района севернее и западнее Орши во фланг войскам 3-й танковой группы противника. В контрударе участвовали 7-й и 5-й механизированные корпуса, имевшие около 1 тысячи танков старых типов».

Историк А.В. Исаев уточнил, что в состав обоих механизированных корпусов входило более 1400 танков и 330 броневых автомобилей, в основном, старых типов, преимущественно на бензиновом топливе, а также только 47 танков KV и 49 танков Т-34.

Им противостояло около тысячи немецких танков: на стороне гитлеровцев в сражении участвовали 7-я и 17-я танковые дивизии Вермахта, а к 9 июля была переброшена еще и 12-я танковая дивизия.

Таким образом, в этом ожесточенном танковом сражении с обеих сторон столкнулись сразу почти 2,5 тысячи танков.

***

7-й механизированный корпус с началом войны начал выдвижение на запад из Московского военного округа и к 30 июня 1941 г. сосредоточился в районе Лиезно. Его 1-я мотострелковая дивизия была выведена из подчинения корпуса и переброшена в район Борисова, где сразу вступила в бой. К началу боёв корпус без этой мотострелковой дивизии имел на вооружении 570 танков.

Уже 6 июля передовые части 7-го механизированного корпуса первыми завязали бой с механизированными частями противника на рубеже Бешенковичи – Сенно.

14-я танковая дивизия этого корпуса (командир полковник Иван Дмитриевич Васильев), начав наступление 6 июля, не смогла преодолеть рубеж реки Черногоствница, что восточнее Бешенковичей.

По итогам боя 6 июля командующий 20-й армией генерал-лейтенант П.А. Курочкин доносил маршалу С.К. Тимошенко:

«Отсутствие успеха в корпусе объясняю неумением командования организовать бой, отсутствием взаимодействия между артиллерией и танками, слабой работой штабов, недостаточной поддержкой и прикрытием со стороны авиации, позволяющей авиации противника безнаказанно бомбардировать части корпуса...»

Несмотря на это, весь следующий день 7 июля 14-я танковая дивизия продолжала безуспешно атаковать рубеж реки Черногоstica. По отчету командира 14-й танковой дивизии полковника И.Д. Васильева, в бою 7 июля участвовало 126 танков: из них КВ – 11 и Т-34 - 24. В бою было потеряно свыше 50 % танков и более 200 человек убитыми и ранеными. Немецкие источники говорят об уничтожении 74 советских танков, что в целом совпадает с советскими данными.

Вечером 7 июля 14-я танковая дивизия получила приказ поменять направление удара.

Перевернувшийся БТ-7.

Но в тот же день 18-я танковая дивизия генерал-майора Фёдора Тимофеевича Ремизова из 7-го механизированного корпуса выбила немцев из г. Сенно.

Немецкому командованию пришлось срочно подтягивать к месту контрнаступления резервы, после чего на штурм г. Сенно пошли части сразу двух немецких дивизий 47-го моторизованного корпуса. В течение дня 7 июля, по советским данным, город три раза переходил из рук в руки, но остался в итоге за нами,

Но эта наша танковая атака без поддержки пехоты и артиллерии развития не получила, и удары немецких пикировщиков вкуче с прочной противотанковой обороной сделали свое дело. Не дождавшись поддержки со стороны 14-й дивизии, 18-я танковая дивизия была вынуждена 8 июля оставить Сенно.

***

Дивизии 5-го механизированного корпуса также начали наступление 6 июля 1941 г., но продвигались очень медленно из-за

раскисших после летних ливней дорог и к восьми вечера того же дня смогли пройти в направлении г. Лепеля только 13-15 км.

Зато на следующий день они атаковали растянутые походные колонны немецкой 17-й танковой дивизии, продвигавшейся на Сенно, и прорвались в район Цотово и Толпино. В итоге порядки этой немецкой танковой дивизии оказались разорваны.

Однако оставление Сенно частями 7-го механизированного корпуса резко ухудшило положение 5-го механизированного корпуса: 8 июля части немецких 7-й и 17-й танковых дивизий атаковали 5-й механизированный корпус со стороны Сенно во фланг и тыл. В итоге передовые части 5-го механизированного корпуса оказались в окружении.

9 июля в район боёв подошла немецкая 12-я танковая дивизия генерал-майора Йозеф Гарпе, что окончательно склонило чашу весов в пользу противника. С воздуха действия немецких войск поддерживал 8-й авиакорпус Вольфрама фон Рихтгофена.

Остатки 5-го механизированного корпуса отошли в район Орши, где по приказу командующего 20-й армией П. А. Курочкина заняли рубеж обороны «по-пехотному». При выходе из окружения погиб командир 25-го танкового полка 13-й танковой дивизии полковник А.Н. Муравьев. Остатки мотострелкового полка 17-й танковой дивизии вырвались из окружения только 20 июля 1941 г.

Историк А. Исаев приводит потери 5-го механизированного корпуса (без учета окруженного отряда 17-й дивизии) в количестве 646 человек, в том числе 138 убитых и 357 пропавших без вести.

Согласно журналу боевых действий 5-го механизированного корпуса, в результате боев 8-10 июля в районе Толпино и Цотово наши потери составили: по 13-й танковой дивизии - 82 танка, 11 машин, 3 трактора и 1 бронемашину; по 17-й танковой дивизии - 244 танка, 8 тракторов и 20 машин; по отряду 109-й моторизированной стрелковой дивизии - 40 танков и 1 машину. Кроме того, корпусные части потеряли еще 11 бронемашин.

Большую часть советских танков в этом сражении уничтожили немецкие противотанковые пушки и авиация: только 8 июля пикирующие бомбардировщики подбили и сожгли 200 советских танков.

***

Сковав действия советских войск, немецкий 39-й моторизированный корпус форсировал 8 июля Западную Двину тремя дивизиями в районе Уллы: тем самым немцы сумели обойти и разгромить наносящие контрудар советские танковые корпуса с севера.

В результате 9 июля 1941 г. немецкая 20-я танковая дивизия 39-го моторизованного корпуса 3-й танковой группы Г. Гота ворвалась в г. Витебск, выйдя на дорогу Витебск-Смоленск-Москва.

Большая часть наших механизированных корпусов оказалась скована боями, и в итоге даже и не смогла помешать взятию г. Витебска.

9 июля в 16.30 командующий 20-й армией генерал-лейтенант П.А. Курочкин в связи с наступлением противника в районе Витебска и с угрозой окружения приказал приостановить контрнаступление на Лепель, вывести механизированные корпуса из боя и начать отход на восток.

В целом наш танковый контрудар без поддержки пехоты и артиллерии развития не получил: удары немецких пикировщиков вкупе с их прочной противотанковой обороной сделали свое дело.

А тяжёлые потери в двух наших механизированных корпусах облегчили противнику в последующие дни прорыв в район Смоленска...

Тем не менее, в нашем отечественном исследовании 1992 г. немецкие потери в этом сражении оценены в количестве до 4 пехотных полков, в несколько артиллерийских батарей и до 300 танков. Но, однако, эти данные явно завышены, так как «4 пехотных полка и 300 танков» - это почти все, чем располагал противник в тот момент в полосе советского контрудара...

Однако согласно данным немецких историков, безвозвратные потери в танках 7-й и 17-й танковых дивизий в период с 6 по 10 июля составили 27 машин...

Вот и судите о том, что произошло там, с 6 по 9 июля 1941 г. под г. Лепель, если верить немецкой статистике: 27 уничтоженных немецких танков против 832 советских ...

танки Т-26, БТ-5 и БТ-7 не могли успешно противоборствовать более современным немецким машинам.

Помимо этого, значительные потери советские танковые войска потерпели и от активных действий немецкой авиации. Вот стоки из доклада Арсения Борзикова, генерал - майора танковых войск: «5-й и 7-й механизированные корпуса дерутся хорошо, плохо только то, что их потери очень большие. Причем самые серьезные - от авиации противника, которая применяет поливку зажигательной смесью» ...

По подсчетам современных специалистов, в ходе указанного контрудара советская армия потеряла свыше восьмисот танков и около 5 тысяч солдат и офицеров.

Именно здесь, согласно официальной версии, попал в плен самый знаменитый участник битвы под Сенно: 17 июля 1941 г. в районе поселка Лиозно (Витебская область) среди многих тысяч других пленных был обнаружен сын Сталина – старший лейтенант Яков Иосифович Джугашвили, командир батареи 14-го гаубичного артполка 14-й танковой дивизии 7-го механизированного корпуса...

***

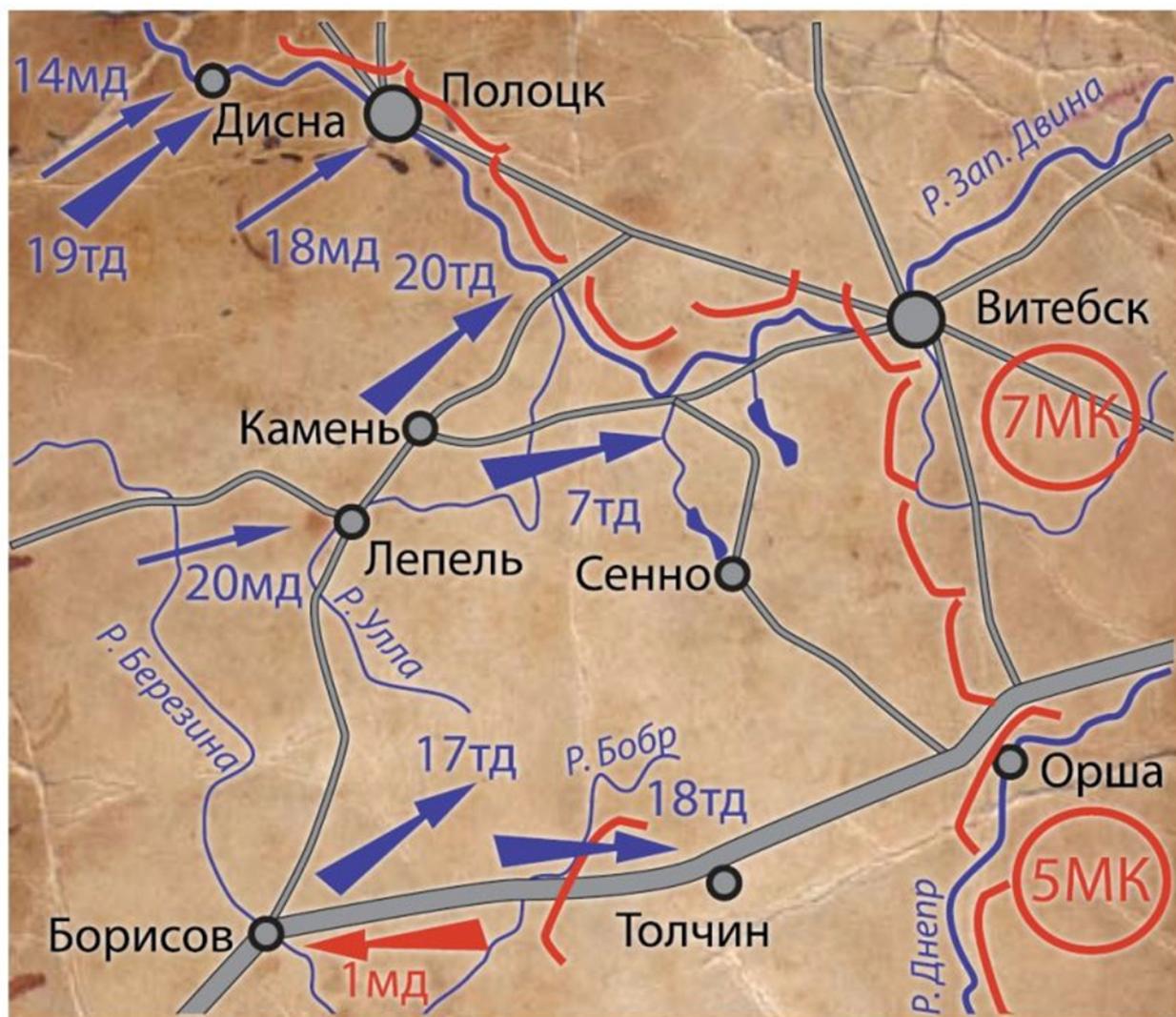
В книге Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления» читаем: «Предпринятый контрудар силами ... двух механизированных корпусов по Витебско-Лепельской группировке противника из-за плохой организации не дал положительных результатов».

А вот по воспоминаниям одного из ветеранов этого сражения А. Белого: «Далась вам эта Прохоровка, - сказал он. - Да там с обеих сторон было от силы восемьсот танков, хотя врут, что больше тысячи. А под Сенно, где был я в сорок первом, сошлось две с лишним тысячи танков и самоходных орудий. Только нас там раздолбали, и погнали на восток, поэтому пишут про Курскую дугу и Прохоровку. А про Сенно молчали, и будут молчать».

Он в начале войны был командиром танка и попал в составе 5-го механизированного корпуса в битву с немецкой танковой армией, где с обеих сторон было не меньше 2 тысяч боевых машин. И было это 6 июля 1941 г., за два года до битвы под д. Прохоровкой, о которой рассказывается во всех учебниках истории и военных мемуарах советских полководцев.

«Наши танки были слабее немецких во всех отношениях, - сообщил в своих воспоминаниях А. Белый. - И моторы уступали немецким по мощности, и броня была тоньше, и пушка похуже. А, главное, у немцев уже хватало опыта. Перли они на нас уверенно, били снарядами с ходу, и наши танки горели, как свечи. Моя машина была подбита минут через десять после начала боя, - рассказал он. - Механик-водитель погиб сразу, а я обгорел, но успел выбраться из танка. Все наши, кто уцелел тогда, попали в окружение, а после того,

как вышли из него, в нашем полку осталось всего шесть танков и около двадцати человек раненых. Отступали кое-как сперва до Дубровно, потом - до Смоленска, а оттуда нас отправили под Москву, где наш корпус был переформирован».

***

Да, была отвага и героизм, но у нашего высшего командования еще не было опыта к проведению таких крупномасштабных танковых операций, обеспечения наступления хорошей поддержкой с воздуха, взаимодействия всех видов войск.

В итоге большую часть машин нашим танковым экипажам впоследствии пришлось просто бросить или взорвать: горючего нет, снаряды кончились, подвоза нет, связи тоже.

Только представьте себе, что чувствовали наши танкисты при этом, взрывая свою боевую машину собственными руками, лишь бы она не попала в руки врага ...

Так и ржавели впоследствии наши бензиновые БТ по лесам Белоруссии...

Легкий танк БТ-7.

***

Здесь я хочу назвать имена наших земляков-боготольцев, которые входили в состав 17-й Сибирской танковой дивизии. Большая часть из них погибла. Сведения о них, собранные по крупицам, до сих пор еще далеки от того, чтобы точно и до конца установить, как сложились их судьбы, т.к. многие из них пропали без вести.

Но в изложении сведений о наших земляках я исхожу из того, как это было и есть в опубликованных ныне документах, а именно в Донесениях об безвозвратных потерях их командования. Возможно, впоследствии будет найдено что-то, что прояснит их судьбу до конца, но сейчас мне приходится отталкиваться от того, что удалось установить к настоящему времени.

Итак, первый из них – Владимир Юрьевич Большаков, 1910 г.р., уроженец Кировской области. Служил в РККА с апреля 1933 г. Техник-интендант 1-го ранга. Командир радиороты. 17-й отдельный батальон связи 17-й танковой дивизии 5-го механизированного корпуса Западного фронта.

Он был признан пропавшим без вести с 1941 г. Его жена Тамара Андреевна Марченко проживала в г. Боготоле по ул. Куйбышева д. 43.

Но в ходе поисков удалось установить, что фактически В.Ю. Большаков попал в немецкий плен в августе 1941 г. и находился там до 1945 г. Впоследствии он был освобожден из плена, репатриирован, а затем направлен в 21-ю запасную стрелковую дивизию.

Далее – Алексей Константинович Викулов, 1903 г.р., уроженец Рязанской области. Старший лейтенант. Военный комиссар отдельного танкового батальона. 17-я танковая дивизия 5-го механизированного корпуса Западного фронта. Пропал без вести в 1941 г. Его жена Ксения Григорьевна Викулова проживала в г. Боготоле по ул. Рабочая д. 68. Признан пропавшим без вести с 1941 г.

Третий из них – Евгений Александрович Голубев, 1915 г.р., уроженец г. Боготола. Политрук. Состоял в распоряжении командира танковой дивизии. 17-я танковая дивизия 5-го механизированного корпуса Западного фронта. В октябре 1941 г. пропал без вести. Его жена Александра Федоровна проживала в г. Боготоле по ул. Советская д. 25.

Далее – Сергей Васильевич Дубенцов, 1909 г.р., уроженец г. Белая Глина Краснодарского края. В РККА с 1931 г. Старший политрук. Капитан. Военный комиссар танкового батальона. 17-й разведывательный батальон 17-й танковой дивизии 5-го механизированного корпуса Западного фронта (с 28 августа 1941 г. - 126-я танковая бригада). Пропал без вести с октября 1941 г.

Как выяснилось в ходе поисков: фактически он попал в плен и умер в немецком концлагере 20 января 1942 г. Его жена Лукерья Ивановна Дубенцова проживала в г. Боготоле по ул. Лесная д. 33.

Пятый из них – Марк Петрович Зюзь, 1903 г.р., уроженец с. Любимовка Каховского района Николаевской области. Призван в РККА в 1925 г. Старший лейтенант. Командир роты средних танков.. 34-й танковый полк 17-й танковой дивизии 5-го механизированного корпуса Западного фронта. С июня 1941 г. пропал без вести. Его сын Григорий Маркович Зюзь проживал в с. Большая Косуль Боготольского района.

Далее – Емельян Маркович Кваша, 1906 г.р., уроженец Черкасской области Украины. Служил в РККА с июня 1931 г. Капитан. Заместитель начальника штаба по тылу. 34-й танковый полк 17-й танковой дивизии 5-го механизированного корпуса Западного фронта. Он погиб в июле 1941 г. Его супруга М.Г. Кваша проживала в с. Красная Речка Боготольского района.

Следующий из них – Константин Осипович Кочергин, 1902 г.р., уроженец Ярославской области. Он был призван в РККА в 1936 г. Рыбинским РВК Красноярского края. Воентехник 1-го ранга. Начальник пожарной охраны полка. 33-й танковый полк 17-й танковой дивизии 5-го механизированного корпуса Западного фронта. Пропал без вести в

1941 г. Его супруга Клавдия Михайловна Кочергина проживала в с. Владимировка Боготольского района.

Но, как выяснилось, фактически К.О. Кочергин остался жив, вернулся назад и проживал в Боготольском районе (согласно документам на октябрь 1946 г.).

Восьмой из них – Василий Павлович Лещанский, уроженец с. Юрьевка Боготольского района. Лейтенант. Начальник связи полка. 126-й танковый полк 17-й танковой дивизии 5-го механизированного корпуса Западного фронта (с 28 августа 1941 г. - 126-я танковая бригада). Пропал без вести в сентябре 1941 г. Его мать Агафья Ивановна Лещанская проживала в Боготольском районе.

Затем – Павел Григорьевич Николаенко, уроженец г. Боготола. В РККА с 1931 г. Старший политрук (старший лейтенант). Член ВКП(б). Был инструктором пропаганды полка. 34-й танковый полк 17-й танковой дивизии 5-го механизированного корпуса армии Западного фронта. Погиб в июле 1941 г. Его супруга Татьяна Васильевна Николаенко проживала в Боготольском районе.

Далее – Константин Иванович Петров, 1903 г.р., уроженец с. Вагино Боготольского района. Он был призван в РККА еще в 1920 г. Кадровый военный. Майор. Заместитель командира артиллерийского полка. Член ВКП(б). 17-й гаубичный артиллерийский полк 17-й танковой дивизии 5-го механизированного корпуса Западного фронта (с 28 августа 1941 г. - 126-я танковая бригада). С сентября 1941 г. признан пропавшим без вести. Его жена К.А. Петрова проживала в с. Вагино Боготольского района.

Следующий из них – Михаил Яковлевич Пеньков, 1905 г.р., уроженец г. Боготола. Служил в РККА с 1927 г. Воентехник 2-го ранга. Командир технической роты. 17-й мостовой понтонный батальон 17-й танковой дивизии 5-го механизированного корпуса Западного фронта (с 28 августа 1941 г. - 126-я танковая бригада). Пропал без вести в декабре 1941 г.

Но, как выяснилось, фактически по документам он остался жив, был уволен в запас 2 октября 1945 г., и приказом по Киевскому военному округу поставлен на воинский учет в РВК Мальчевского района Ростовской области. После войны был награжден медалью «За боевые заслуги». Его родственница Пелагея Ильинична Пенькова проживала в г. Боготоле по ул. Сибирская д. 20.

Двенадцатый из них – Павел Михайлович Подуваев, 1894 г.р., уроженец Боготольского района. Призван в РККА с 1918 г. Член ВКП(б) с 1926 г. Майор. 17-я танковая дивизия 5-го механизированного корпуса Западного фронта (с 28 августа 1941 г. - 126-я танковая бригада). Погиб в период до 3 декабря 1941 г.

Затем – Михаил Семенович Соловьев, 1903 г.р., уроженец г. Боготола. Призван в РККА в 1920 г. Кадровый военный. Капитан. Командир разведывательного батальона. Член ВКП(б). ППС № 761.

В/ч № 6061. 17-й отдельный разведывательный батальон 17-й танковой дивизии 5-го механизированного корпуса Западного фронта. Пропал без вести в июле 1941 г. Его жена Нина Павловна Силичева проживала в г. Боготоле.

И далее в этом повествовании – рассказ о трагичной и сложной судьбе еще одного офицера 17-й танковой дивизии, – об Александре Архиповиче Старовойтове, 1907 г.р.

Он родился в Гомельской области Белоруссии и был призван в РККА в сентябре 1929 г. Мозырским ГВК Полесской (ныне – Гомельской) области Белорусской ССР, из г. Мозырь. Лейтенант. Командир комендантского взвода при управлении танковой дивизии. 17-я танковая дивизия 5-го механизированного корпуса Западного фронта. По документам он пропал без вести 4 августа 1941 г. в районе д. Радчино Кардымовского района Смоленской области при переправе через реку Днепр. Его жена Антонина Антоновна Городецкая проживала в Боготольском районе.

Но, как выяснилось в ходе поисков, фактически А.А. Старовойтов был тяжело ранен и попал в немецкий плен. Согласно сведениям из обнаруженного в ходе поисков о нем документов от 1957 г., а именно его наградного листа, который является представлением его к награде, - это произошло это 15 августа 1941 г. в районе, так называемой, «Соловьевой переправы». После тяжелого ранения, он выжил и находился в плену в г. Регенсбург (Германия).

Был освобожден из плена 2 мая 1945 г. американскими войсками и передан в советскую зону, где проходил спецпроверку в 5-й запасной стрелковой дивизии, а затем уволен в запас 21 ноября 1945 г. из Смоленского военного округа.

Из этого же документа стало известно, что после войны он вернулся в г. Боготол и с января 1946 г. по июль 1950 г. работал, согласно сведениям из данного документа, агентом Боготольского Райуполминзага в г. Боготоле.

После этого уехал с семьей на родину, в Белоруссию, где с августа 1950 г. работал в должности заместителя председателя Верейцовского сельпо Осиповичского райпотребсоюза, а с марта 1951 г. – заведующим продовольственной базой Осиповичского райпотребсоюза Осиповичского района Могилевской области.

По ходатайству военного комиссара Осиповичского района Могилевской области от 28 августа 1957 г. за тот вклад, который он внес в период Великой Отечественной войны и за полученное им тяжелое ранение, он был, наконец, награжден 27 января 1958 г. медалью «За отвагу»: его, наконец, поняли, оценили и спустя 13 лет после Победы приравнивали к ветеранам той войны...

Я полагаю, что в этом не последнюю роль сыграл вышедший в тот период рассказ нашего выдающегося писателя М.А. Шолохова «Судьба человека», после чего на наших военнослужащих,

пребывавших в плену, в нашем обществе взглянули, наконец, другими глазами и поняли, что они ТАМ испытали и выстрадали ...

Как в дальнейшем сложилась его судьба – мне пока документально установить не удалось: надо специально слать запросы непосредственно в Республику Беларусь по месту его последнего места воинского учета.

Но, я полагаю, что и из тех сведений, которые стали доступны сейчас, становится понятно, как непроста была в то время судьба человека, прошедшего в немецких лагерях почти четыре года, и то, какое отношение к себе он испытал от «власть предержащих» и от «общественного мнения» в послевоенные годы... Сначала, проработав четыре года в Боготоле и забрав семью, уехал в Белоруссию, где еще только спустя семь, наконец, был понят как человек, не нарушивший воинскую присягу...

Справедливо полагаю, что именно все эти послевоенные «мытарства» преждевременно подкашивали всех тех, кто прошел немецкий плен, и приводили к тому, что они преждевременно уходили из жизни, не увидев юбилея 30-я, 40-летия и 50-я Победы...

Пятнадцатый из них – Филипп Васильевич Степанов, 1910 г.р., уроженец г. Боготола. Капитан. Начальник 5-й части штаба 34-го танкового полка. 34-й танковый полк 17-й танковой дивизии 5-го механизированного корпуса Западного фронта. Пропал без вести в июле 1941 г. Его жена Клавдия Алексеевна Степанова проживала в г. Боготол ул. 1-я Зарельсовая д. 56.

Далее – Петр Григорьевич Татаренков, уроженец г. Боготола. Военный инженер 3-го ранга. Начальник отдела горюче-смазочных материалов штаба танковой дивизии. 17-я танковая дивизия 5-го механизированного корпуса Западного фронта (с 28 августа 1941 г. - 126-я танковая бригада). Пропал без вести в период до 9 января 1942 г.

Последний из них - Вениамин Сергеевич Шмелев, 1909 г.р. Старший лейтенант. Командир танковой роты. 17-я танковая дивизия 5-го механизированного корпуса Западного фронта. Признан пропавшим без вести с июля 1941 г. Его жена Надежда Федоровна Шмелева проживала г. Боготол ул. Деповская д. 86.

***

Итак, большинство наших земляков, входивших в состав 17-й Сибирской танковой дивизии РККА, погибло в самом начале войны в этом танковом сражении на территории Белоруссии.

Они были кадровыми военными, и именно они первыми встали на пути, напавшего на нашу страну фашистского Вермахта. Они выполнили приказ командования Западного фронта согласно воинской присяге и воинскому долгу. Они понимали, что враг

план быстротечной войны, а, кроме того, доказали врагу, что тот столкнулся с противником, который выше его по духу.

Вступив на нашу землю, А. Гитлер и его свора подписали себе смертный приговор. Покорив всю Европу, фашисты, охмелев от этих побед, вторглись в Россию.

Но здесь перед ним встал совершенно иной противник, готовый защищать свою землю до конца, невзирая на любые жертвы, и готовый остановиться лишь тогда, когда заткнет пасть этой нечисти, вторгшейся на нашу землю, в его же собственном логове – в городе Берлине...

Советский легкий танк БТ-7, таранивший немецкую штабную машину. Август 1941 г.

***

В наши дни в Белоруссии восстанавливается память об этом одном из крупных танковых сражений Великой Отечественной войны. Тогда, теми танковыми ударами немцам были нанесены серьезные потери, особенно в живой силе. И хотя сражение с нашей стороны было проиграно, тем не менее, это был подвиг.

Об этом сражении написано в книге нашего известного историка А.В. Исаева «Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг», а другой наш историк М. Коломиец посвятил ему книгу: «1941: «Последний парад» мехкорпусов Красной Армии».

Но до сих пор даже в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны крайне мало материалов, касающихся Лепельского контрудара: на небольшом стенде представлены лишь несколько фотографий и скромный макет танка.

На реке Черногострица в месте её пересечения с Бешенковичским шоссе в наши дни был установлен памятный знак в память о погибших здесь танкистах 14-й танковой дивизии 7-го механизированного корпуса.

В 2011 г. в г. Сенно в память о советском контрударе 1941 г. был установлен памятник, на постаменте которого застыл советский танк ИС-3, переданный городу министерством обороны Республики Беларусь.

«Открывая памятник советским танкистам, мы восстанавливаем историческую справедливость, отдаем дань памяти героизму воинов Красной Армии, а монумент послужит напоминанием потомкам о тех трагических событиях», - сказал тогда белорусский министр обороны Юрий Жадобин.

Александр Самойкин